

"Моя кисть не должна видеть больше и лучше, чем я"

250 ЛЕТ. Четверть тысячелетия... Именно столько исполняется сегодня великому испанскому художнику Франсиско Гойе. В свои двести пятьдесят он выглядит просто великолепно. Может быть, поэтому интерес к его творчеству не иссякает. Туристы со всего света, попадая в мадридский музей Прадо, сразу устремляются к полотнам Гойи. Писатели сочиняют романы о жизни испанского художника. Известны по крайней мере два: "Гойя, или Тяжкий путь познания" Фейхтвангера и "Обнаженная маха" Эдвардса. Кстати, оба романа экранизированы.

ЗАНИМАЛИСЬ биографией Гойи и такие знаменитые поэты, как Теофиль Готье, Шарль Бодлер и Константин Бальмонт.

И все-таки много еще неизвестного и неисследованного в жизни Гойи. А писателям хоть и можно доверять, но не во

всем. Лион Фейхтвангер ошибся, считая, что моделью для двух известных картин Гойи ("Маха одетая" и "Маха обнаженная") была герцогиня Каэтан-Альба. На самом деле женщина, которую Гойя изобразил, была другой. Но так ли уж важно, как ее звали? Наверное, сейчас, когда художник находится в расцвете своих многовековых творческих сил, самое время поговорить с ним о творчестве. Известно, что на эту тему Франсиско Гойя высказывался очень редко. Но какие-то свидетельства все-таки остались, и вот они перед вами

- Дорогой Франсиско Гойя, очень многие художники именно в природе ищут образцы для подражания или по крайней мере отталкиваются от нее в своем творчестве. Как вы смотрите на окружающую вас реальность? Есть ли у вас какой-то секрет?

- Что касается меня, то я различаю в природе только тела освещенные и тела затемненные. Планы, которые приближаются и которые удаляются, выпуклости и углубления. Мой глаз никогда не замечает ни линий, ни деталей. Я никогда не считаю, сколько волос в бороде человека, который проходит мимо меня, и мой взгляд тем более не задерживается на пуговицах его одежды. Такие мелочи не рассеивают моего внимания. А моя кисть не должна видеть больше и лучше, чем я.

- В чем же тогда, на ваш взгляд, ошибаются или заблуждаются другие мастера живописи?

- Эти простоватые мастера воспринимают природу или надменно, или живо. Они запугивают своих молодых учеников, заставляя их несколько лет подряд рисовать хорошо отточенным карандашом миндалевидные глаза, аркообразный или сердечком рот, нос в виде перевернутой буквы Z и голову в виде овала. А дает ли

нам что-либо подобное природе? Она же единственный учитель.

- Есть ли у живописи свои цели и задачи, к решению которых она и должна стремиться?

- Живопись (как и поэзия) выбирает из вселенной то, что наилучше соответствует ее целям. Она соединяет в едином вымышленном образе явления жизни и свойства характеров, которые природа рассеяла повсюду. И благодаря такому искусно построенному сочетанию получается удачное подражание, в силу которого художник и именуется творцом, а не покорным копировщиком.

- Имеет ли право художник искажать человеческую реальность или даже критиковать ее?

- Я убежден, что критика человеческих заблуждений и пороков (хотя кажется, что это более свойственно красноречию и поэзии) может также быть предметом живописи. Для своего произведения "Капричос" я выбрал подходящие сюжеты среди множества сумасбродств и заблуждений, свойственных каждому обществу граждан, и среди предрассудков и пошлых обманов, опирающихся на обычаи, на невежество или выгоду, именно те, которые я нашел подходящими для насмешки и в то же время возбуждающими фантазию художника.

- Как далеко может уйти художник в своих фантазиях?

- Если подражать природе трудно, то тем более удивительно, когда это происходит на совершенном от нее отдалении. В "Капричос" я стремился показать фигуры и позы, до того существовавшие только в человеческом сознании, затемненном и запутанном из-за отсутствия просвещения и разгоряченном необузданностью страстей.

- А как вы относитесь к критике своих произведений?

- Когда были представлены на публичное суждение мои росписи в храме Девы Марии дель Пиар, то на них было обращено внимание, породившее критику, которая была вызвана совершенно иной причиной, нежели справедливостью. Честь же художника очень щекотлива, он обязан прежде всего хранить ее чистоту. От молвы о нем зависит все его существование. Если на его честь ляжет хоть малейшая тень, с этого дня исчезнет его счастье. И потому к ее защите обязывает художника его естественное право.

- Приходится ли вам бороться с трудностями? Если да, то каким образом?

- Чтобы отогнать изнуряющие мысли, направленные исключительно на мои болезни, и чтобы хоть частично возместить много утраченного мною для работы времени, я пишу картины кабинетного размера, в которых мне удастся передать живое наблюдение, чего обычно не бывает в заказных работах, так как в них нет свободы для творческой фантазии художника.

- Расскажите, пожалуйста, о самых последних ваших произведениях, о которых почти никто не знает.

- Последней зимой (имеется в виду зима 1826 года, когда

художник жил во Франции в Бордо. - Прим. М.К.) я рисовал на слоновой кости, и у меня имеется коллекция. В ней около 40 таких образцов. Они сделаны оригинальным, не свойственным миниатюре способом, подобного я никогда не видел, так как они исполнены пунктиром, что их делает похожими на произведения, выполненные кистью Веласкеса.

- И последний вопрос, дорогой Франсиско Гойя. Чтобы почувствовать себя уютно дома или в мастерской, что вам необходимо?

- Для моего жилища требуется немного: гравюра с Девы Марии дель Пиар, стол, пять стульев, печка, вертел, лампа, кожаный мех для вина, гитара. Все остальное будет излишним.

Беседовал
с испанским
художником
сквозь толщу столетий
Михаил Сааведра
КУЗЬМИН

* Франсиско Гойя. Серия "Капричос", лист 61. "Онизлетели".

* Винсент Лопес. Восьмидесятилетний Гойя, 1827

